

Н. А. НЕКРАСОВ И Е. А. БОРАТЫНСКИЙ В «МЕЧТАХ И ЗВУКАХ»

Аннотация. В статье выясняется место раннего Н. А. Некрасова в поэзии 1830-х годов. Впервые поставлен вопрос об отношении Н. А. Некрасова раннего периода («Мечты и звуки») к творчеству Е. А. Боратынского. Боратынский во многом восхищал Некрасова, который видел в его стихах «блеск души» и очевидный духовный потенциал. Некрасов чувствовал в романтических стихах Боратынского религиозную основу, которая, однако, в 1830-е годы была «омрачена» «преступным скептицизмом» и эстетизацией религии. Вопреки мнению комментаторов I тома академического издания Некрасова, юный поэт не подражает Боратынскому, а последовательно спорит с ним с позиций религиозного традиционализма. В статье содержится попытка доказать, что стихотворение «Истинная мудрость» также имеет адресатом полемики именно Боратынского. Столь большая роль романтической поэзии Боратынского, а отчасти и Д. В. Веневитинова, в «Мечтах и звуках» неслучайна. Уже в первой книге Некрасов обнаруживает главную установку своей жизни и творчества: установку на личное духовное подвижничество и, как следствие, на «святость». Эта его установка, как представителя традиционной религиозности, своеобразно наложилась на один из главных принципов романтического искусства: на восприятие поэзии как религиозного дела, религиозного подвижничества.

Ключевые слова: Н. А. Некрасов, Е. А. Боратынский, «Мечты и звуки», истоки творчества, религия, романтизм, поэзия как личное подвижничество и путь к святости.

Ссылка при цитировании: Мельник В. И. Н. А. Некрасов и Е. А. Боратынский в «Мечтах и звуках» // Традиции и современность. 2024. № 37. С. 94–101

Мельник Владимир Иванович (Melnik Vladimir Ivanovich) – доктор филологических наук, профессор Перервинской духовной семинарии, эл. почта: melnikvi1985@mail.ru,
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

Научный православный журнал «Традиции и современность». 2024. № 37. С. 94–101

ISSN 2687-1122; ISSN 2687-119X || <http://naukapravoroslavie.ru>

УДК – 394.91; 82-311.2/82-312.2; ББК – 63.3(2)46; <https://doi.org/10.33876/2687-119X/2024-37/94-101>

Первый сборник Н. А. Некрасова «Мечты и звуки» (1840) более чем наполовину состоял из чисто религиозных стихотворений. Это тем более удивительно, что автору во время их написания было всего лишь около 16–17 лет. Религиозная поэзия Некрасова оказалась не оценена. Еще в 1908 г. В. Е. Евгеньев-Максимов писал: «В русской критике вопрос о религиозных мотивах некрасовской поэзии до сего времени остается совершенно неразработанным. Мало того, даже простых упоминаний о том, что Некрасову присущи религиозные настроения, нельзя встретить в многочисленных статьях, посвященных его памяти. Единственным человеком, поставившим этот вопрос и осветившим его в общих чертах, был профессор Санкт-Петербургского университета М. И. Горчаков. В 1877 г., на похоронах поэта, он произнес весьма интересную и содержательную речь, в которой рассматривал поэзию Некрасова с точки зрения христианского вероучения. По цензурным условиям времени, речь эта осталась не напечатанной» (Максимов 1908: 112–113)¹.

После же революции религиозные стихи раннего Некрасова тем более не вызвали никакого интереса у советских литературоведов, даже после того, как их – хотя и в самых общих чертах – проанализировал в указанной книжке В. Е. Евгеньев-Максимов. Надо принять во внимание, что у исследователей отсутствовали навыки хотя бы приблизительной богословской оценки смысла некрасовских произведений. Сборник «Мечты и звуки» был объявлен ученическим, подражательным и практически не связанным с дальнейшим творчеством Некрасова, который воспринимался исключительно как поэт революционно-демократического лагеря русской литературы. О двух разных Некрасовых, никак не связанных друг с другом, писал в самом конце XIX в. С. А. Венгеров, который выразил мнение, что «Мечты и звуки» «никакой стадии в развитии таланта Некрасова не представляют. Некрасов – автор книжки “Мечты и звуки” и Некрасов позднейший – это два полюса, которых нет никакой возможности слить в одном творческом образе» (Венгеров 1897: 858). То, что и сам поэт уже в 1849 г. в полемическом порыве отказался от своих первых поэтических опытов, как от «детских попыток» творчества (Некрасов 1953: 256), казалось бы, лишь подтверждает подобное мнение.

Между тем в первой книге Некрасова были заложены и проявились, пусть и в несколько наивном виде, базовые составляющие его личности и творчества: его сугубая религиозность, понимание поэзии как высокого религиозного служения и жизненного подвига, наконец, его личное нравственное стремление превратить свою жизнь в религиоз-

но-творческое подвижничество. Все это осталось с Некрасовым до конца его дней и так или иначе проявлялось в его зрелом творчестве.

На первый план выходит вопрос: каков культурный базис первого поэтического сборника Некрасова, куда уходит корнями его ранняя поэзия? Почему вообще шестнадцатилетний юноша пишет именно религиозные стихи, в которых проявляются его отличное знание догматов Церкви, его склонность к религиозному философствованию и богословствованию?

Религиозность Некрасова имеет своим истоком несомненное влияние матери, которую он боготворил, о чем можно судить по многим произведениям, в частности, по поэме «Рыцарь на час». В строках поэмы видна не только горячая сыновья любовь, но и духовный строй жизни Елены Андреевны, бывшей самым ясным примером евангельского отношения к жизни для своих детей:

*За врагов, умирая, молилася,
На детей милость Бога звала.*

Значение матери для Некрасова было столь огромно, что его не с чем сравнить. Ф. М. Достоевский после кончины Некрасова вспоминал: «Он говорил мне тогда со слезами о своем детстве, о безобразной жизни, которая измучила его в родительском доме, о своей матери – и то, как говорил он о своей матери, та сила умиления, с которою он вспоминал о ней, рождали уже и тогда предчувствие, что если будет что-нибудь святое в его жизни, но такое, что могло бы спасти его и послужить ему маяком, путевой звездой даже в самые темные и роковые мгновения судьбы его, то уж, конечно, лишь одно это первоначальное детское впечатление детских слез, детских рыданий вместе, обнявшись, где-нибудь украдкой, чтоб не видали (как рассказывал он мне), с мученицей матерью, с существом, столь любившим его. Я думаю, что ни одна потом привязанность в жизни его не могла бы так же, как эта, повлиять и властительно подействовать на его волю...» (Достоевский 1984: 111–112).

Некрасов, таким образом, внутренне был готов к религиозному переживанию внешних впечатлений жизни. Тем не менее, «вступая в литературу», он, как начинающий поэт, должен был ориентироваться на определенные поэтические образцы. Литературная ситуация была такова, что в 1830-е годы в русской периодике разлился широкий поток религиозной поэзии, существовавшей в образцах как высокой романтической, так и массовой журнальной поэзии. Первую представляли такие поэты, как Д. Веневитинов и «любомудры», отчасти Е. А. Боратынский и др. Вторую – А. В. Кольцов («Думы») (Ярмерштедт),

В. Г. Бенедиктов, А. В. Тимофеев, Ф. Н. Менцов, М. Вознесенский, В. И. Красов, И. А. Бек, А. А. Башилов и др. «Высокие романтики» характерно представлены кругом людей, близким к «свету», в то время как в кругу «религиозных поэтов» можно найти имена не только известных дворянских фамилий, но и – прежде всего – провинциальных помещиков, чиновников, детей священников и пр.

Как известно, романтизм во всех его изводах отличался тяготением к религиозности, хотя самая религиозность понималась разнообразно. Высокие романтики, в частности «любомудры», «книжники», отошедшие от непосредственного религиозного чувства и простоты веры, отличались стремлением к переосмыслению традиционных религиозных представлений. В сущности, на место религии они поставили религиозную философию. Им чрезвычайно должно было импонировать определение религии, данное немецким мыслителем Ф. Д. Э. Шлейермахером: «Религия – это чувство и вкус к бесконечному» (Шлейермахер 1994: 77). Это определение, обращаясь ко вкусу и чувству, поворачивало взгляд от объективной реальности, от Бога – к внутреннему состоянию человека, к его личности. Совершалась незаметная подмена религиозного представления о высоком и бесконечном – романтическим представлением о «микромире», о возвышенном (основополагающее понятие в эстетике романтизма) состоянии души и ума. Чрезвычайно откровенны воспоминания одного из «любомудров» А. И. Кошелева, воспоминания, которые объясняют разворот русских интеллектуалов от религии к философии религии: «Тут господствовала немецкая философия, то есть Кант, Фихте, Шеллинг, Окен, Гёррес и др. Тут мы иногда читали наши философские сочинения; но всего чаще и по большей части беседовали о прочтенных нами творениях немецких любомудров. Начала, на которых должны быть основаны всякие человеческие знания, составляли преимущественный предмет наших бесед; христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для любомудров. Мы особенно высоко ценили Спинозу, и его творения мы считали много выше Евангелия и других священных писаний» (Кошелев 1991: 51). Увлечение философией было всеобщим, причем не только в светских, но и в ученых богословских кругах. Г. Флоровский отмечал: «Любопытно, что первые проповедники философского идеализма все вышли из духовной школы... Именно в духовных академиях русская философская мысль впервые ответчиво встречается с немецким идеализмом» (Прот. Георгий Флоровский 1937: 240). Насколько тяга к философичности проникла в среду даже провинциальной поэзии, говорит тот факт, что, например, А. В. Кольцов, под влиянием В. Г. Белинского, пытался постигнуть философию Гегеля. В

письме к Белинскому от 28 октября 1838 г. он писал: «Хотел учиться по-немецки, – некогда... Субъект и объект я немножко понимаю, а абсолюта ни крошечки, – впрочем, о нем надо говорить долго... хорошо тогда понимать, когда сам можешь передать; без этого понятия не понятия» (Кольцов 1906: 211).

Тем не менее провинциальная по духу поэзия так называемых третьестепенных авторов составляла определенную религиозную оппозицию высокому романтизму и «любомудрам». Ее идейную основу составляли традиционные религиозные представления о жизни. Это была поэзия, утверждающая веру как основу жизни общества и личности в условиях, когда эта вера была отчасти поколеблена. По нашему мнению, появление «религиозных поэтов» третьего ряда стало в большой мере реакцией на сдвиг в религиозном сознании русского общества, сдвиг, произошедший под влиянием невиданного развития науки и техники, повлекший за собой, прежде всего в высших слоях общества, колебание веры и развитие религиозного скептицизма. Изобретение парового двигателя, открытия астрономии, электричества и проч. создавали иллюзию разрушительного разрыва с традиционным мировоззрением. Далеко не все, подобно П. Я. Чаадаеву, могли понять, что наука не отменяет веру, а лишь подтверждает ее. Так, в письме к А. И. Тургеневу от октября – ноября 1835 г. он характерно заметил: «Я только что прочел в *Journal des Debats* превосходную статью Марка Жирардена по поводу нового издания св. Иоанна Златоуста... Жирарден показывает, что весь прогресс физических наук за последнее время клонится к подтверждению системы, изложенной в библейской книге Бытия, и основывается на новом трактате об электричестве Беккереля» (Чаадаев 1989: 241).

«Духовно-религиозная поэзия» малоизвестных поэтов была Некрасову близка, и он постоянно обращался к поэтическим ситуациям, мотивам и сюжетам этой поэзии, пытаясь соединить две главные стихии, господствовавшие в его душе: поэзию и веру. Однако отличие Некрасова от основной массы третьестепенных поэтов состояло в том, что искусство высокого романтизма привлекало его, и он ощущал в себе силы для творческого усвоения романтической эстетики. При сравнении его стихотворений с произведениями третьестепенных авторов, чьи мотивы он использовал, бросается в глаза, что Некрасов намного разнообразнее, его мысль смелее и точнее, а стих – более выразительный. Причем речь в данном случае может идти не только о таких авторах, как А. В. Тимофеев, Ф. Н. Менцов и т. п., но и о вовсе не третьестепенном поэте А. В. Кольцове.

Стихотворение Некрасова «Истинная мудрость», по замечанию комментаторов I тома полного собрания сочинений поэта, тематически близ-

ко к «Человеческой мудрости» Кольцова. Конкретных сопоставлений двух этих стихотворений пока не сделано. Проблематика стихотворения Кольцова лежит в плоскости вопроса о соотносительности современной науки и веры, оно построено на традиционном противопоставлении мудрости человеческой и мудрости Божией. Поводом к его написанию был внутренний протест против проявлений гордости человеческого ума:

*Что ты значишь в этом мире,
Дух премудрый человека?
Как ты можешь кликнуть солнцу:
«Слушай, солнце! Стань, ни с места! [...]*

*Чем, какою тайной силой
Шар вселенной остановишь,
Чтоб не шел он, не кружился?..
Перестрой же всю природу!*

*Мир прекрасен... ты не хочешь...
Нет, премудрый, ты не можешь!
Да, не можешь, раб пространства,
Лет и времени невольник.
Будь ты бездна сил, идей [...]*

*Все, что есть, – все это Божье;
И премудрость наша – Божья.*

В стихотворении содержится указание на мнимое величие новых технических открытий: «Что ты можешь сделать морю, / Чтоб вода в нем охладела, Чтобы камнем затвердела? / Чем, какою тайной силой Шар вселенной остановишь...» и т. п. В итоге поэт напоминает, что и самый человеческий ум – создание Божие. При этом Кольцов неявно ссылается на Священное Писание, когда пишет: «Как ты можешь кликнуть солнцу: Слушай, солнце! Стань, ни с места». Здесь скрыто указание на пророка Иисуса Навина, остановившего солнце. Во время сражения Иисус Навин, согласно Библии, остановил на небе солнце и луну, чтобы закончить победную битву: «...стой, солнце, над Гавоном, и луна, над долиною Аялонскою! И остановилось солнце, и луна стояла, доколе народ мстил врагам своим» (Нав. 10; 12–13).

В целом Некрасов идет в русле логики стихотворения Кольцова. Однако он заметно разнообразит свою мысль, и его стихотворение намного предметнее и конкретнее. Более того, Некрасов ярко представляет в «Истинной мудрости» свой идеал человеческой личности – в ее обязательной связи с Творцом. Обращаясь к теме современных научных открытий, он как бы признает их силу и значимость, но пишет: «Не все постигнул ум надменный...».

Хотя эти открытия и кажутся отменяющими Божьи законы, они настолько слабы перед загадкой Целого, перед все устрояющей Премудростью, что Некрасов называет их «толпой бессмысленных догадок» и формулирует: «Твои открытия случайны», «Мудрец! – пред Богом прах твой ум...».

Предметность, разнообразие аргументов, эмоциональность и конкретность Некрасова связаны с тем, что в стихотворении просматриваются следы полемики не с абстрактным «гордым умом» человека, а с некоей личностью. В отличие от персонажа стихотворения Кольцова, которого автор называет «премудрым», персонаж Некрасова – «мудрец» – осязательно более персонифицирован и локализован. В нем сокрыт не только абстрактный гордый современный ум, как у Кольцова, но и человек с душой и страстями, возможно, – для Некрасова – некая конкретная личность. Отсюда иной, более резкий, более живой и конкретный строй полемических обращений. Юный поэт, во многом воспитанный на открытиях романтической поэзии, далее обращается к тайнам не только природы, но и человеческой души:

*В себе ты понял ли, скажи,
Боренье силы и бессилья,
Ничтожность тела и души?*

Удивительно, что эти строки о духовном самопознании принадлежат шестнадцатилетнему юноше. Развивая тему человеческой души и, возможно, имея в виду конкретного адресата своей полемики, Некрасов персонифицирует своего «мудреца» в словах «жалкий скептик»: «Ты жалкий скептик, ты не жрец». Слово «жрец» здесь относится уже не к кольцовой теме «религия и наука», а скорее, к важной для Некрасова и постоянно воспроизводимой в «Мечтах и звуках» теме поэта-скептика. Скептические настроения были свойственны, по общему признанию, произведениям поэтов-романтиков, вроде Веневитинова или Боратынского.

Со стиха 49 и до стиха 92 стихотворение представляет собою страстное обращение не к абстракции «гордого современного ума» или к «науке», но к человеку, причем человеку, в котором автор признает «блеск души»:

*На что ж преступным скептицизмом
Мрачишь ты блеск души своей?*

Настроения религиозного скептицизма свойственны, по общему признанию, поэзии Боратынского: «Его мировоззрение тронато религиозным скептицизмом, доставшимся ему в наследство от просветителей XVIII в., которых он в свое время усердно читал. В конце 1820-х годов, в эпоху все-

общей ревизии просветительских идей, Боратынский переводит Вольтера («Телема и Макар», 1827). В «Вере и неверии» проблема смерти перерастает в проблему целесообразности мироустройства. Если загробное блаженство не восстановит мирового равновесия, значит создатель не прав и не благ» (Вацууро 1981: 388). Этот скептицизм Боратынского вызывает протест Некрасова во многих стихотворениях его первой поэтической книги. Как религиозный человек, Некрасов не мог не почувствовать в поэзии Боратынского, как и других представителей русского романтизма, подмены религии философией и эстетикой, то есть того, что в 1924 г. Т. Э. Хьюм назвал «расщепленной религией»². То, что отмечал В. М. Жирмунский по поводу религиозности немецких романтиков, во многом относится и к романтизму в целом: «Размышляя о религии, они в сущности забывали о ней или относились к ней эстетически» (Жирмунский 1919: 214).

Очевидно, Некрасову многое было близко в поэзии Боратынского, поскольку в «Истинной мудрости», как и, например, в стихотворении «Час молитвы», он, в сущности, обращается к поэту с призывом отринуть сомнения, скепсис, обратиться к Богу – и жить свободно, без уныния, рефлексии, разочарования и тоски. Один за другим в стихотворении следуют призывы к поэту-скептику: «Отринь губящий дух гордыни», «Небесной кары не накличь», «Оставь же тщетные усилия», «не греши» и пр. Последние двадцать строк (риторических, но прекрасных строк!) посвящены теме идеала человека, идеала, невозможного без любви к Богу:

*Мужайся там, где слез пучина,
Люби добро, как мать птенца,
И разлюби родного сына
За отступление от Творца;
Будь бед своих сторонний зритель,
Чужих – чувствительный отец;
Всего великого ревнитель,
Всего ничтожного беглец;
Тип в совершенстве человека
В себе одном осуществи,
Собою тварь, на диво века,
Творца достойную яви.
Вот в этом мудрость, в этом слава,
Твой долг, твой подвиг на земле!*

Некрасов, обращаясь к вопросу об идеале человека, кажется, остается в рамках проблемы «знание – вера» («Путь к знаниям верой освети»). Однако в целом смысл его стихотворения и особенно его последней части все-таки шире. Предметом внимания и идеалом для Некрасова являются собственно вера и человек веры.

Смеем предположить, что «мудрец» Некрасова – это не человек науки. При всем том, что большая часть текста стихотворения, казалось бы, посвящена проблеме противоположения знания и веры, она, эта проблема, является, скорее, исходной точкой главного тезиса поэта. Полемика Некрасова, в ее страстных патетических тонах, направлена, как и во многих других случаях в «Мечтах и звуках», против скептицизма романтической поэзии. Причем, можно предположить, что Некрасов снова, как и в стихотворениях «Час молитвы», «Сомнение» и др., полемизирует с одним из самых любимых своих авторов в 1830-е годы – Боратынским, у которого он учится поэтической зоркости и вдумчивости, глубине мысли, точности языка, но постоянно порицает его за маловерие и скепсис, прежде всего, религиозный.

Между прочим, особенность полемики состоит в том, что Некрасов ее почти не скрывает. Как правило, он использует размер того стихотворения Боратынского, с которым ведет свою полемику. Особенно характерно стихотворение «В час молитвы», которое начинается буквально с тех же слов, что стихотворение Боратынского «Песня» («Когда взойдет денница золотая...»).

В обоих стихотворениях поэты касаются темы «испытания чувств», отношения к позитивной, радостной стороне жизни. Однако художественные решения темы у Боратынского и Некрасова прямо противоположны. В этом смысле демонстративное указание на «Песню» Некрасова следует воспринимать не как подражание, а как приглашение читателя сравнить два стихотворения и увидеть принципиальное различие, причем в центральном, мировоззренческом, плане.

«Песня» Боратынского строится на мысли о том, что среди радости и пира жизни герой страдает, ибо он уже познал обман и разочарование:

*Что красоты, почти всегда лукавой,
Мне долгий взор?
Обманчив он! знаком с его отравой
Я с давних пор.
Обманчив он! его живая сладость
Душе моей
Страшна теперь! что прежде было в радость,
То в муку ей.*

Стихотворение написано в споре с Боратынским, этот спор несколько прямолинеен, отдает некоторым юношеским дидактизмом, но Некрасов проявляет недюжинную смелость мысли и личностную самостоятельность в полемике с признанным авторитетом, противопоставляя «разочарованности» героя «Песни», его сомнениям и сосредото-

ченности на собственной рефлексии «коленипреклоненное пение гимна Богу», соборную молитву в храме, веру в то, что по молитве «умиленной души» Бог поможет человеку, усмирит «враждующую битву страстей».

Для Боратынского утро («когда взойдет денница золотая») – это время ощущения разлада с цветущим миром:

*Когда взойдет денница золотая,
Горит эфир,
И ото сна встает, благоухая,
Цветущий мир,
И славит все существованья сладость,
С душой твоей
Что в пору ту? скажи: живая радость,
Тоска ли в ней? [...]*

*Страдаю я! Из-за дубравы дальней
Взойдет заря,
Мир озарит, души моей печальной
Не озаря.*

Некрасов спорит с Боратынским, как бы подчеркивая, что в мире романтического поэта нет Бога, что и является причиной его разлада с миром и страданий.

Для Некрасова утро – время молитвы:

*Когда взойдет денница золотая
На небосвод
И, красотой торжественно сияя,
Мрак разнесет,
Когда звонят, к молитве созывая,
И в храм идут,
И в нем стоят, моление совершая,
И гимн поют, –
Тогда и я, с душою умиленной,
Меж всех стою
И Богу гимн, коленипреклоненный,
Тогда пою.*

Если лирический герой Боратынского познает «отраву» обманчивых страстей, то Некрасов акцентирует тему единства, мира человека с Богом и природой:

*Когда Царь дня, в волнах купаясь чистых,
Течет к концу
И запоем хор птичек голосистых
Хвалу Творцу, –
И я пою, и я ему молюся,
И в час мольбы
Спокоен я душой и не боюся
Угроз судьбы.*

Финал стихотворения Некрасова весьма замечателен по мысли. Хорошо ориентируясь в основных положениях нравственного учения святых отцов Церкви, вошедшего в обиходное церковное сознание, Некрасов обращается к весьма важному для Боратынского и всех романтиков вопросу о «страстях» – и дает его чисто христианскую трактовку, как бы давая Боратынскому, на первый взгляд, наивный «духовный совет» – каким образом избежать разлада с собой и миром:

*Мольба всегда уладу мне приносит,
Мой дух свежа,
Но никогда молитвы так не просит
Моя душа,
Как в грозный час кипучей непогоды:
Слова мои
Тогда солью я с голосом природы
И, чужд земли,
Пошлю к Творцу усердную молитву,
И – внемля ей,
Он усмирит враждующую битву
Моих страстей...*

В «Истинной мудрости» Некрасов снова таким же размером стихотворения указывает на адресата полемики, ибо это тот же размер, каким написано стихотворение Боратынского «Смерть». Правда, Некрасов не сразу переходит к полемике с Боратынским: он начинает произведение с очень общей «кольцовской» темы «ложной мудрости» гордого человеческого ума и лишь потом ставит ее в связь со скептицизмом Боратынского. Указание на последнего идет двумя путями: во-первых, как уже сказано, Некрасов использует размер стихотворения Боратынского «Смерть», а во-вторых, он даже не совсем мотивированно переходит и к теме смерти, обращаясь к своему оппоненту. Причем упоминает так, что не оставляет сомнения, кто является адресатом его обращений:

*С мольбой возьмись за труд по силе,
Путь к знаньям верой освети
И с этим факелом к могиле –
Всего отгадчице*

(подчеркнуто нами. – В. М.) – гряди.

Определение смерти как «всего отгадчицы» прямо указывает на Боратынского, который в стихотворении «Смерть» (1828) пишет: «Ты (смерть. – В. М.) всех загадок разрешение».

Обычно полемика с Боратынским по поводу его религиозного скептицизма более локальна, но в стихотворении «Истинная мудрость» Некрасов вводит ее в широкие границы одного из основных спор-

ных вопросов эпохи пошатнувшегося религиозного сознания. Соединение двух тем в одном стихотворении, на наш взгляд, оказалось не совсем удачным.

Напоследок возвратимся к строкам Некрасова: «На что ж преступным скептицизмом / Мрачишь ты блеск души своей?». На наш взгляд, Боратынский во многом восхищал Некрасова, который видел в его стихах «блеск души» и очевидный духовный потенциал. Некрасов чувствовал в романтических стихах Боратынского религиозную основу, которая была «омрачена» «преступным скептицизмом» и попытками эстетизации религии. Тем не менее Некрасов, кажется, надеялся на возможность духовного перерождения поэта. И, кстати сказать, он не ошибся: в последний период творчества Боратынский сумел преодолеть свой скептицизм и обрести душевный мир:

*Царь небес! успокой
Дух болезненный мой!
Заблуждений земли
Мне забвенью пошли
И на строгий Твой рай
Силы сердцу подай.*

(«Молитва», 1842–1843).

Роль Боратынского в становлении Некрасова еще ждет своего исследования. Обращение к данной проблеме позволяет определить прежде всего поэтическую мотивацию и особенности авторского самосознания Некрасова периода сборника «Мечты и звуки». Некрасов, в отличие от третьестепенных авторов 1830-х годов, пытается философствовать и богословствовать, и в этом смысле опыт поэзии Боратынского и Веневитинова был для него чрезвычайно важен. Его понимание поэзии во многом выросло из формулировки Веневитинова, который в статье «Несколько слов в план журнала» сказал: «...истинные поэты всех народов, всех веков были глубокими мыслителями, были философами и, так сказать, венцом просвещения...» (Веневитинов 1980: 131). Попытки юного поэта быть творчески оригинальным проводником религиозной идеи были оценены критикой. Рецензент журнала «Современник» (текст приписывается П. А. Плетневу) писал: «Книжка, заключающая в себе почти одни лирические стихотворения, исполнена разнообразия. В каждой пьесе чувствуется создание мыслящего ума или воображения» (Современник 1840: 133–134; Максимов 1908: 35).

Уже в первой книге Некрасов обнаруживает главную установку своей жизни и творчества: установку на личное духовное подвижничество и, как следствие, на «святость». Эта его установка как воцерковленного человека своеобразно наложилась

на один из главных принципов романтического искусства: на восприятие поэзии как религиозного дела, религиозного подвижничества. В. М. Жирмунский отмечал это свойство романтического искусства: «Романтическая поэзия не хочет быть “только искусством”: ее желание быть больше, чем эстетической деятельностью... Проповедь, тенденция – моральная, религиозная, эстетическая – играют важную роль в романтической поэзии: недаром романтики считают поэта пророком и учителем» (Жирмунский 1919: 7). Однако если романтики эстетизируют религию и хотят быть «пророками и учителями», то Некрасов религиозен по сути – и, как следствие, в основе его поэтического подвижничества лежит не учительство, а сознательная жертва и заступничество за «малых сих». Это он и подчеркивает в стихотворении «Истинная мудрость»: «Будь бед своих сторонний зритель, / Чужих – чувствительный отец; / Всего великого ревнитель, / Всего ничтожного беглец».

Эту подвижническую, «мученическую» основу его поэзии хорошо передал поэт Е. Евтушенко:

*Дай, Некрасов, уняв мою резвость,
боль иссеченной музы твоей –
у парадных подъездов и рельсов
и в просторах лесов и полей.
Дай твоей неизящности силу.
Дай мне подвиг мучительный*

(подчеркнуто нами. – В. М.) твой,

*чтоб идти, волоча всю Россию,
как бурлаки идут бечевой.*

В поэзии зрелого Некрасова романтическая установка на творчество, как на духовный подвиг, скрыта, но в «Мечтах и звуках» она явлена в открытой поэтической декларации. Что касается художественной реализации этой установки в творчестве поэта, то она является предметом отдельной работы. Здесь лишь укажем хотя бы на «Последние элегии», которые показывают, что условное романтическое «бессмертие» лишь в памяти потомков и в творческом наследии Некрасова не увлекает. В «Последних элегиях» он говорит о бессмертии в буквальном, религиозном смысле слова. А в «Последних песнях» проявляется сугубо религиозное понимание творчества, как «подъятого труда», дающего право не на условное преодоление «горького забвенья» и даже смерти в «лире», а на реальное вхождение в рай, на святость. Такое понимание поэзии хотя и имеет исходной точкой своего развития романтическое искусство, но полемически отталкивается от стереотипов романтического мышления и является единственным в своем роде примером в русской поэзии.

Примечания

¹ Профессор М. И. Горчаков говорил о зрелом Некрасове и положил в основу религиозности поэта его жизненные страдания и сострадание к народу.

² Или иначе: «Романтическая вера в бесконечные возможности человека – это... искаженная форма религиозного импульса, как поэзия для романтиков – заместитель религии» (Красавченко 2005: 487–488).

Источники и материалы

Вацуро 1981 – Вацуро В. Э. Е. А. Баратынский // История русской литературы: В 4 т. / отв. ред. Н. И. Пруцков. Т. 2. Л.: Наука, 1981.

Венгеров 1897 – Венгеров С. А. Некрасов // Энциклопедический словарь. Изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. ХХА (40). СПб., 1897.

Веневитинов 1980 – Веневитинов Д. В. Стихотворения и проза. М.: Наука, 1980.

Достоевский 1972–1988 – Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Л.: Наука, 1972–1988.

Достоевский 1984 – Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 26. Л.: Наука, 1984.

Жирмунский 1919 – Жирмунский В. М. Религиозное отречение в истории романтизма. Ч. 1. М.: Изд-во С. И. Сахарова, 1919.

Кольцов 1906 – [Кольцов А. В.] Стихотворения и письма А. В. Кольцова. СПб.: Изд. А. Ф. Маркса, 1906.

Кошелев 1991 – [Кошелев А. И.] Записки А. И. Кошелева. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1991.

Красавченко 2005 – Красавченко Т. Хьюм // Энциклопедический словарь английской литературы XX века. М.: Наука, 2005. С. 487–488.

Максимов 1908 – Максимов В. Е. Литературные дебюты Н. А. Некрасова. Вып. I. СПб.: Энергия, 1908.

Некрасов 1948–1953 – Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. М., 1948–1953.

Некрасов 1953 – Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. Т. 12. М., 1953.

Прот. Георгий Флоровский 1937 – Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Париж, 1937. Современник 1840 – Современник. 1840. Т. 2.

Чаадаев 1989 – Чаадаев П. Я. Письмо к А. И. Тургеневу от октября-ноября 1835 г. // Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989.

Шлейермахер 1994 – Шлейермахер Ф. Д. Э. Речи о религии. Монологи. СПб.: Алетейя, 1994.

Ярмерштедт – Ярмерштедт В. Мирозерцание кружка Станкевича и поэзия Кольцова (Из истории литературно-философского движения в России) // Вопросы философии и психологии. Кн. 20 (5). Год IV. М., 1893. С. 94–124; Год V. Кн. 22 (2). С. 162–181.

N. A. NEKRASOV AND E. A. BORATYNSKY IN «DREAMS AND SOUNDS»

Abstract. The article clarifies the place of the early N. A. Nekrasov in the poetry of the 1830s. For the first time, the question was raised about the attitude of N. A. Nekrasov of the early period («Dreams and Sounds») to the work of E. A. Boratynsky. Boratynsky greatly admired Nekrasov, who saw in his poems the «brilliance of the soul» and obvious spiritual potential. Nekrasov felt a religious basis in Boratynsky's romantic poems, which, however, in the 1830s. was «overshadowed» by «criminal skepticism» and the aestheticization of religion. Contrary to the opinion of commentators on the 1st volume of Nekrasov's academic publication, the young poet does not imitate Boratynsky, but consistently argues with him from the standpoint of religious traditionalism. The article contains an attempt to prove that the poem «True Wisdom» also has Boratynsky as the addressee of the polemic. Such a large role of the romantic poetry of Boratynsky, and partly of D. V. Venevitinov, in «Dreams and Sounds» is not accidental. Already in the first book, Nekrasov reveals the main orientation of his life and work: an orientation toward personal spiritual asceticism and, as a consequence, toward «holiness». This attitude of his as a representative of traditional religiosity usually overlapped with one of the main principles of romantic art: the perception of poetry as a religious matter, religious asceticism.

Keywords: N. A. Nekrasov, E. A. Boratynsky, «Dreams and Sounds», origins of creativity, religion, romanticism, poetry as personal asceticism and the path to holiness.

Authors Info: Melnik, Vladimir I. – Dr. in Philology, Professor, Pererva Theological Seminary (Moscow, Russian Federation), E-mail: melnikvi1985@mail.ru, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9684-8943>

For citation: Melnik, V. I. 2024. N. A. Nekrasov and E. A. Boratynsky in «Dreams and Sounds». *Tradition and modernity (Traditsii i sovremennost)* 37: 94–101